

A detailed illustration of a man and a woman in a medieval-style setting. The man, on the left, is a knight in dark armor with red accents and a red bird emblem on his chest. He has dark hair and a slight smile, looking down at the woman. The woman, on the right, has long white hair in a braid and wears a white tunic with green trim and a green skirt. She is holding a glowing green bottle over a stack of books, with bright green magical energy swirling around it. The background shows a stone archway with a torch on the wall.

МАРИЯ
СОНИК

УЧИТЬ
НЕЛЬЗЯ
ВЛЮБИТЬСЯ

ЛОВУШКА ДЛЯ ЦЕЛИТЕЛЬНИЦЫ

Мария Соник

Учить нельзя влюбить.

Ловушка для целительницы

<https://litres.ru/74521532>

Аннотация

Когда тебя вызывают «на ковер» к ректору, обычно ждешь проблем. Но чтобы мне, скромной студентке целительского факультета, поручили миссию по спасению боевого факультета от позора? Это что-то новенькое.

Да, самоуверенный идиот, который вечно крутился возле моего брата и доводил меня до белого каления, не может вылечить даже царапину. Теперь я его личный репетитор. Держите меня семеро, потому что единственное, что у него получается хорошо — это бесить меня одним своим видом.

Но почему, когда мы остаемся наедине, он не рычит, а мурлычет? И с чего вдруг в его глазах появляется этот опасный блеск, от которого у меня мурашки по коже, а магия в пальцах искрит? Кажется, я попала в ловушку. И у этого ловчего очень довольная улыбка.

Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИНЯ СОНИК

Содержание

Глава 1	4
Глава 2 (Несколько лет назад)	22
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Когда секретаря на месте нет, а дверь в кабинет ректора приоткрыта ровно настолько, чтобы в щель можно было разглядеть край ковра ручной работы из шерсти горного василиска — жди беды. Это не примета, не суеверие первокурсников. Это аксиома, высеченная на скрижалях Академии высшей магии кровью и слезами предыдущих поколений студентов. Либо меня сейчас с позором вышвырнут вон, предварительно аннулирував диплом и лишив магической лицензии, либо предложат нечто настолько абсурдное, настолько выходящее за рамки моего тихого, травяного мирка, что отказываться будет нельзя. Даже если каждая клеточка тела будет вопить: «Беги, Эйра, спасайся!».

Я замерла перед массивной дубовой дверью, опираясь ладонью о холодный мрамор косяка. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание, а легкие горели огнем после марш-броска по бесконечному лабиринту административного крыла. Мои выходные туфли — единственная пара, купленная не для теплицы, а для «приличного вида», — предательски цокали по полированным плитам пола, разнося эхо под готическими сводами. Каждый удар каблука звучал как выстрел, объявляющий о моей панике на всю Академию.

За спиной, словно шлейф дыма от неудачного зелья, тянулся гул. Не тихий, уютный гул библиотеки, а липкий, жад-

ный шепот, который преследовал меня от самой арки целительского крыла.

— Глядите, это же Эйра! С травяного! — фыркнул кто-то сбоку, и я краем глаза заметила стайку первокурсниц в идеально сидящих мантиях боевого факультета. — Вырядилась, как на казнь. Мантию нацепила.

— Тихо ты, дура! — шикнула на нее подруга, но так громко, что слышали даже горгульи на карнизе. — Видела ее лицо? Белая, как мел. Точно накосячила. Может, отравила кого своими травками? С нее станется, она вечно в оранжерее сидит, там столько ядовитого...

— Четыре года тише воды, ниже травы была, а тут — бац! — вызов к самому ар'Сайришу. Лично. Без объяснения причин. — Третий голос звучал злорадно. — Может, за неуспеваемость? Хотя какая у целителей неуспеваемость... Они ж просто корешки перебирают да припарки лепят.

— Или за нарушение формы! Смотрите, она даже мантию надела, а у нее складка на спине топорщится. Позор-то какой.

Щеки залил жгучий, предательский румянец. Я сделала вид, что оглохла, хотя от злости и несправедливости закусила губу до боли. За четыре года в этом серпентарии, гордо именуемом Академией, я выучила главный закон выживания: если ты тихоня с целительского, которая предпочитает общество сонных пиявок и шелест страниц компании сокурсников, тебя замечают лишь в двух случаях. Первый

— когда кому-то срочно нужно вправить вывихнутое плечо после того, как боевики перестарались на спарринге. Второй — когда ты сама, совершенно непостижимым образом, вляпываешься в историю.

Вот только я не вляпывалась. Моя жизнь была выверена, как дозировка снотворного порошка. Лабораторные до темноты, библиотека до хрипоты в горле от чтения, редкие вылазки в город с такими же тихими подругами-гербалистками. И вдруг — это. Записка с гербовой печатью, врученная мне в шесть утра лично в руки старостой общежития. Он смотрел на меня с таким священным ужасом, будто я уже была ходячим мертвецом. Я не спала всю ночь, перебирая возможные грехи: может, просрочила редкий фолиант по демонологии на два дня? Или неправильно списала ингредиенты для личного проекта?

Я толкнула тяжелую створку приемной. В нос ударил запах воска, старого пергамента и горьковатого,пряного имбиря. Стол господина Торна — цербера приемной и личного секретаря ректора — пустовал. Это было настолько же противоестественно, как если бы солнце взошло на западе. Господин Торн сидел на своем посту неотлучно, казалось, он даже спал с открытыми глазами, сверля взглядом каждого входящего. На столе сиротливо дымилась фарфоровая кружка с чаем, и от нее поднимался тонкий пар, а рядом лежала раскрытая книга учета посетителей. Перо валялось на полу, словно его бросили в панике.

В кабинете горел мягкий, янтарный свет. И оттуда, сквозь щель в тяжелой, обитой бархатом двери, доносилось негромкое, чуть фальшивое напевание. Ректор ар'Сайриш напевал что-то ритмичное, похожее на морскую песенку.

Я замерла, нервно теребя край мантии. Правила этикета гласят: ждать секретаря. Даже если секретарь провалился в Тартарары. Стучать к ректору без доклада — это социальное самоубийство, сравнимое с попыткой обнять василиска. Но если ректор знает, что я приду, и поет там с таким энтузиазмом, может, он ждет, что я проявлю инициативу? Или это ловушка?

— Заходите, заходите, дитя мое! Не стойте столбом, сквозняк нагуляете! — раздался мелодичный, но властный голос из-за двери. Напевание стихло. — Чай стынет!

Я вздохнула так глубоко, словно собиралась нырять в бездну, мысленно пожелала себе стальных нервов и переступила порог.

Кабинет ректора Вэлиана ар'Сайриша был точной копией его владельца: роскошный, опасный и с двойным дном. Тяжелые портьеры из темно-синего бархата, расшитые серебряной нитью, были сдвинуты с математической точностью так, чтобы утреннее солнце заливало светом только массивный стол черного дерева, оставляя остальное пространство в интригующем полумраке. На столе царил идеальный, почти хирургический порядок: стопки бумаг выровнены по линейке, перья заточены в одну линию, чернильница блестит,

как черное зеркало. Воздух был густым от запаха фолиантов, теплого воска и имбиря — такого резкого и пряного, что кружилась голова.

И сам ректор.

Если бы лисы умели превращаться в людей и получать степень магистра темных искусств, они выглядели бы именно так. Острые, точеные черты лица, чуть раскосые глаза цвета янтаря с золотыми искрами, которые, казалось, видели твои самые постыдные секреты насквозь. Благородная седина, тронувшая виски в смоляных волосах, и улыбка. Та самая знаменитая улыбка ар'Сайриша, от которой у первокурсников отказывали колени, а у матерых преподавателей начинали трястись поджилки.

— Эйра! Звезда моя! — Он всплеснул руками и поднялся из-за стола с такой сияющей, ослепительной радостью, словно я была его блудной дочерью, вернувшейся после столетних скитаний. — Проходи, проходи, садись! Как добралась? Не устала? Чай? Имбирный! Я помню, ты любишь имбирный. Свежайший, с личной плантации господина Торна, я специально распорядился!

Я застыла на персидском ковре, вцепившись в ляжку сумки так, что та жалобно скрипнула. Ректор никогда не пил со мной чай. Ректор вообще вряд ли знал о моем существовании до сегодняшнего утра. А уж мои вкусовые предпочтения мог помнить разве что библиотечный призрак, который вечно кланчил у меня заварку от бессонницы.

— З-здравствуйте, ректор ар'Сайриш, — выдавила я, осторожно, словно шла по минному полю, присаживаясь на самый краешек предложенного кресла с высокой резной спинкой. — Я... по вызову?

— Знаю, знаю, птичка моя! — Он махнул рукой с длинными, аристократическими пальцами, и чашка тончайшего костяного фарфора с дымящимся чаем материализовалась прямо передо мной на инкрустированном перламутром столике. Аромат имбиря ударил в нос. — Ты, верно, сгораешь от любопытства? Терзаешься в догадках? Трепещешь?

— Есть немного, — честно призналась я, косясь на чай с подозрением. Вдруг там не имбирь, а сыворотка правды замедленного действия?

— Эйра, — ректор вдруг сложил руки на груди и посмотрел на меня с такой отеческой теплотой и гордостью, что мне захотелось обернуться. Может, за моей спиной стоит призрак какой-нибудь великой целительницы? — Ты — наша жемчужина. Твой дипломный проект по регенерации мягких тканей с использованием слюны болотной саламандры... это прорыв! Я ознакомился на досуге. Детально. Твой подход к активации фибробластов на клеточном уровне — это нечто революционное для твоего уровня! А твои скрытые, глубоко запрятанные таланты в боевой магии... Скромничаешь, дитя. Скромничаешь.

Я моргнула. Раз. Второй. Мир не перевернулся. Ректор не исчез в клубах серного дыма. Значит, я не сплю, и это —

реальность.

— Ректор, — я заставила свой голос звучать ровно, хотя внутри нарастал гул тревоги, — простите мою дерзость, но произошла чудовищная ошибка. У меня нет талантов в боевой магии. Я целитель. Чистокровный. Стерильный. Дистиллированный. Я даже заклинание «светлячок» кастую через пень-колоду, потому что оно требует минимального выброса боевой энергии. У меня ее просто нет.

— Вот именно! — Он ткнул в меня указательным пальцем с победным видом, словно я только что доказала теорему Ферма. — Чистой воды целитель. Без единой примеси боевого дара. Нулевой коэффициент агрессии. Минимальный урон окружающей среде. Идеальный вариант!

Я открыла рот, чтобы задать самый важный вопрос: «Идеальный для чего?! Для опытов по скрещиванию с мандрагорой?!», но челюсть моя клацнула впустую, не издав ни звука.

Дверь кабинета с грохотом распахнулась.

С такой силой, что тяжелая дубовая створка смачно врезалась в стену, и с ближайшей полки с жалобным звоном слетела хрустальная ваза с белыми лилиями, разбившись вдребезги о мраморный пол. Осколки брызнули фонтаном, и в воздухе разлился сладкий, удушливый аромат цветов, смешанный с запахом... озона. Грозовой свежести.

— Прошу прощения за опоздание, я... — Голос, низкий, с легкой хрипотцой, которая цепляла за нервы, словно смычок по виолончели, заполнил собой каждый кубический сан-

тиметр кабинета.

Я резко обернулась, и в груди у меня что-то оборвалось с мерзким, скрежещущим звуком.

В дверях стоял ОН.

Лайам ар'Шайн. Живое воплощение всех моих детских кошмаров. Король боевого факультета, гроза демонических легионов, рекордсмен по разрушенным полигонам и единственный человек в этой вселенной, чья наглая, самоуверенная ухмылка заставляла мои кулаки сжиматься до хруста в костяшках, а желание врезать ему по этой красивой морде становилось почти невыносимым.

Он был высок. Слишком высок для нормального человека. Широкие плечи, казалось, раздвигали сам дверной проем. Темные волосы были взлохмачены, словно он только что вышел из центра урагана (что, зная его, было вполне вероятно), и непослушные пряди падали на лоб, придавая ему безумный, дикий вид. Но самое страшное — его глаза. Цвета грозового неба, пронзительные, светло-серые с темным ободком, они смотрели на мир с ленцой хищника, который точно знает, что добыча никуда не денется.

На нем была простая белая рубашка, рукава которой он небрежно закатал до локтя, открывая сильные предплечья, покрытые сеткой тонких, белесых шрамов — географическая карта его бесчисленных побед. И он, конечно же, улыбался. Своей коронной улыбкой, от которой у всех встречаемых девиц начинали сладко ныть зубы, а у меня — нестер-

пимо чесались ладони.

Его взгляд скользнул по разбитой вазе, равнодушно зацепился за ректора, а потом — тяжело, ощутимо, словно физический толчок — рухнул на меня. И замер.

Время словно свернулось в тугую пружину. Я почувствовала, как воздух в кабинете стал плотным, вязким. На долю бесконечного, тягучего мгновения мне показалось, что в его серых глазах мелькнуло что-то абсолютно чуждое его обычному нахальству. Не просто удивление. Глубокое, хищное удовлетворение. Предвкушение. Охотничий азарт, смешанный с какой-то дикой, пугающей нежностью, от которой у меня похолодели кончики пальцев.

— О, — сказал он. Всего одно короткое слово, но тон, каким оно было произнесено, заставил меня внутренне пододаться, словно перед броском. — А тут уже гости. И какие гости.

— Лайам, мальчик мой! — Ректор всплеснул руками с таким видом, словно только что выиграл в лотерею второй джекпот подряд. — Проходи, не топчись на осколках! Мы как раз тебя обсуждали. Садись, садись, чувствуй себя как дома.

— Да неужели обсуждали? — Лайам шагнул в кабинет, и пространство вокруг него словно подстроилось под его фигуру, признавая в нем хозяина положения. Он двигался с текучей грацией боевого мага высшего ранга — бесшумно, хищно, так, что любое его движение казалось либо началом

атаки, либо началом танца. — И что же хорошего вы обо мне говорили, ректор? Надеюсь, хвалили мою скромность и усидчивость?

— Только хорошее! Исключительно! — заверил ректор, лучезарно улыбаясь. — Эйра, душа моя, вы ведь знакомы с Лайамом? Ваши семьи, кажется, соседствуют в пригороде? Росли на соседних улицах, играли в одних канавах?

Я выдавила из себя улыбку. Судя по тому, как насмешливо дернулся уголок губ Лайама, вышла она похожей на оскал умирающей гиены.

— Мой старший брат имел несчастье учиться с ар'Шайном в одной школе, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как желваки на скулах напрягаются. — Мы иногда... пересекались. К моему глубочайшему сожалению.

— Пересекались, — эхом повторил Лайам, и его голос вдруг обрел бархатистую, обволакивающую интонацию, от которой у меня по спине прошел табун мурашек размером с бизонов. Он с королевской грацией опустился в соседнее кресло, так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло, и, развернувшись ко мне всем корпусом, нагло, изучающе оглядел с головы до ног. — Привет, Эйра. А ты выросла. И изменилась. Очень сильно.

У меня нервно дернулся глаз. Я прекрасно знала, что ни на миллиметр не изменилась за последние четыре года. Та же дурацкая коса, туго затянутая на затылке, те же скромные сережки-гвоздики, то же вечно сосредоточенное лицо, кото-

рое на первом курсе прозвали «лицом хирурга перед вскрытием».

— А ты — ни капли, — мой голос прозвучал на удивление ровно и холодно, хотя внутри меня уже кипела магма, готовая излиться потоком лавы. — Все так же вламываешься без стука, игнорируя существование дверей, петель и элементарных правил приличия.

— А зачем мне стучать, если я знаю, что меня здесь ждут? — Он склонил голову набок, и непослушная прядь пепельных волос упала на лоб. Он выглядел до омерзения... сногсшибательно. — Или не ждут, Эйра? Что думаешь?

Ректор деликатно, но громко кашлянул в кулак.

— Голубки мои. Давайте оставим выяснение отношений на потом. У нас есть дело государственной важности. Архисложное. Деликатное.

Я перевела взгляд с самодовольной, до зубовного скрежета красивой физиономии Лайама на хитрую, лисью морду ректора, и пазл в моей голове сложился со звуком захлопнувшейся крышки гроба. Меня втянули в авантюру. Спланированную. Продуманную. И этот боевой индюк с глазами цвета шторма, судя по тому, как довольно он щурился, был в курсе плана с самого начала. И он не просто был в курсе. Он был его автором.

— Какое еще дело? — спросила я, и мой голос сорвался на рычание. То самое, давно забытое раздражение, которое просыпалось во мне каждый раз, когда Лайам ар'Шайн появ-

лялся в радиусе видимости, вскипело в крови с новой силой. Руки зачесались не просто врезать ему, а запустить в него чем-нибудь тяжелым. Желательно той самой чернильницей с ректорского стола.

Ректор потерял ладони с таким азартом, словно собирался объявить победителя в скачках. Лайам откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди, и под тонкой тканью рубашки предательски перекатились мышцы. Я вдруг остро пожалела, что оставила в общежитии флакон с успокоительной настойкой валерианы на спирту. Сегодня она мне бы понадобилась не для сна, а для того, чтобы не совершить убийство в кабинете ректора.

— Дело простое, как огурец в рассоле, — сверкнул глазами ректор. — Эйра, солнышко, ты, разумеется, в курсе, что наш боевой факультет является гордостью королевства? Они способны уничтожить орду демонов, снести горный хребет и прожечь дыру в реальности. Но.

Ректор сделал драматическую паузу.

— Они абсолютно, катастрофически беспомощны в вопросах целительства. Лечить они не умеют. Ломать — да. Собирать обратно — нет. И у нас нарисовалась проблема. Щекотливая. Один из лучших студентов, надежда Академии, будущий архимаг, не может сдать базовую целительскую аттестацию. Он даже обычную царапину не затянет, у него мана идет по контуру разрушения, а не восстановления. Позор. Фиаско. Крах репутации.

Внутри меня все рухнуло. Сердце, желудок, надежда на спокойный семестр.

— Нет, — сказала я твердо, как гранитная плита.

— Эйра, радость моя, ты даже не дослушала предложение! — всплеснул руками ректор.

— Я уже все поняла, ректор. И мой ответ: «Нет». Нет, нет и еще раз нет. Я лучше буду до конца жизни выпаривать слизь с жабых бородавок.

— Эйра, это вопрос престижа Академии! — Ректор воздел руки к расписному потолку. — Если наш лучший боевик провалит целительство, магический совет нас засмеет! Скажут, что мы выпускаем однобоких калек, неспособных даже себе пальчик перевязать! Мальчика отчислят с боевого, отправят на переквалификацию в счетоводы!

— Пусть учит некромантию, — отрезала я, чувствуя, как от злости у меня начинают пылать уши, словно два сигнальных маяка. — Там все ходят полумертвые, никакой разницы между ним и поднятым зомби никто не заметит. Ему идеально подойдет.

Лайам хмыкнул. Низко, утробно, довольно. Я кожей ощутила, как его взгляд прожигает во мне дыру.

— Эйра, дитя мое, — ректор вздохнул с такой хорошо отрепетированной, театральной печалью, что ему позавидовал бы любой лицедей, — я бы ни за что не стал просить, если бы у меня был выбор. Но его нет. Ты — единственная. Твои методы нестандартны. Твой дипломный проект пока-

зал, что ты умеешь достучаться даже до безнадежных случаев. Ты умеешь объяснять так, что даже тупой камень поймет, как фотосинтезировать.

— Достучаться?! — взвилась я, сжимая подлокотники кресла так, что дерево жалобно скрипнуло. — Ректор, да я не достучусь! Я его прибью! Возьму атлас по анатомии — а он у меня тяжелый, в твердом переплете из кожи молодого дракона! — и заколочу его до смерти! И это будет не учебный процесс, а уголовное преступление с летальным исходом!

— Это тоже неплохой вариант, — внезапно подал голос Лайам. Спокойно. Буднично. Будто мы обсуждали меню на ужин.

Я резко, как от удара током, повернулась к нему всем телом. Он улыбался. Медленно, лениво, смакуя момент, как гурман смакует редкое вино. Это была не его обычная наглая ухмылка. Это было что-то гораздо более интимное и пугающее. Взгляд сытого хищника, который загнал добычу в угол и теперь предвкушает долгую, мучительную игру.

— Что ты лыбишься, как ненормальный? — рявкнула я, теряя остатки выдержки. — Ты вообще в курсе, что речь идет о тебе? О тебе, бездарный дровосек с атрофированным инстинктом самосохранения? Или ты настолько туп, что не осознаешь масштаб катастрофы, в которую нас пытаются затянуть?

— В полном курсе, — он невозмутимо кивнул, даже не думая обижаться на «дровосека». — И, честно признаться,

Эйра, я в полнейшем, абсолютном восторге от того, как развиваются события.

Я замерла. Мир вокруг покачнулся.

— В восторге?! — выдохнула я. — Ты что, головой ударился на тренировке? Тебя же публично опозорят перед всей Академией! Вышвырнут с факультета! Твоя карьера полетит в бездну!

Лайам медленно, плавно, с той самой убийственной грацией крупного хищника, поднялся с кресла. Он обошел чайный столик, отделявший нас друг от друга, и остановился прямо передо мной. Слишком близко. Я была вынуждена запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо, и чувствовала себя маленькой, хрупкой мышью, попавшей в силки. От него пахло озоном, ледяной свежестью заклинания и почему-то мятной жвачкой — резкий, мужской, кружащий голову коктейль.

— В том-то и дело, Эйра, — его голос вдруг потерял все насмешливые нотки и опустился до бархатистого, вибрирующего полупшепота, который резонировал у меня где-то глубоко в солнечном сплетении, — что я сам попросил ректора назначить тебя моим наставником.

Тишина в кабинете стала абсолютной. Звонкой. Я слышала только собственное сердце, которое колотилось где-то в горле, и далекий перезвон магических колокольчиков на башне Астрономии.

Ректор за спиной Лайама внезапно проявил живейший

интерес к узору на столешнице, делая вид, что он здесь вообще не при чем. Просто залетный наблюдатель.

Лайам наклонился ко мне, нарушая все мыслимые и немыслимые границы личного пространства. Его лицо оказалось так близко, что я могла разглядеть золотистые искорки в глубине его серых, грозовых глаз. И в этих глазах плясали бесы. Много бесов. Целая оргия бесов.

— Ты... что ты сказал? — прохрипела я, ненавидя себя за то, как жалко и сдавленно прозвучал мой голос.

— Я поставил условие, — прошептал он, и его горячее дыхание коснулось моей щеки, посылая электрические разряды по всему телу. — Либо ты, Эйра с целительского, учишь меня своему ведьмовскому искусству, либо я не сдаю экзамен, и меня вышвыривают вон. Ректору пришлось согласиться. У него просто не осталось выбора.

Сердце пропустило удар. Потом еще один. Потом понеслось вскачь, словно стадо диких лошадей по прерии.

— Зачем? — спросила я, едва шевеля пересохшими губами. — Зачем тебе это, Лайам? Мы же друг друга на дух не переносим. Ты издевался надо мной всю начальную школу. Ты привязывал мои косы к стулу! Ты подкидывал мне в портфель лягушек! Мы враги!

Он усмехнулся. И в этой усмешке было столько опасной, мужской нежности, столько собственнического, горячего огня, что у меня ослабли колени.

— А вот это, — его палец неожиданно коснулся моего

подбородка, приподнимая его еще выше, заставляя смотреть прямо в его хищные глаза, — ты и должна будешь узнать, моя маленькая целительница. Подумай. Догадайся. У тебя будет много, очень много времени на размышления. Наедине со мной.

Я открыла рот, чтобы высказать ему все, что я о нем думаю: припомнить и лягушек, и косы, и тот случай с испорченным зельем на третьем курсе, и объяснить, в какие конкретно глубины Тартарара он может идти со своими догадками. Но ректор, словно почувствовав, что сейчас случится взрыв, торопливо кашлянул, разрушая гипнотическое наваждение момента:

— Кхм-кхм... Эйра, драгоценная моя. Разумеется, ты имеешь полное право отказаться. Абсолютное. Нерушимое. — Он выдержал паузу, и его лисьи глаза блеснули холодным, расчетливым огнем. — Но в таком случае... твоя повышенная стипендия за особые успехи в целительстве... и тот самый грант на исследование редких болотных трав Мертвых Топей, который ты с таким трудом выбила в прошлом семестре... Сама понимаешь, бюджет Академии пересматривается на следующей неделе. И деньги уходят туда, где есть результат и польза для престижа. А личные проекты студентов, которые не идут навстречу администрации... ну, они часто остаются без финансирования. Увы.

Я перевела тяжелый, полный ненависти взгляд на ректора. Старый, хитрый, безжалостный лис. Он знал, на что да-

вить. Он бил точно в цель. Грант на Мертвые Топи был моей мечтой. Моим пропуском в мир Большой Науки. Без него я — никто.

Потом я снова посмотрела на Лайама. Он стоял в шаге от меня, засунув руки в карманы брюк, такой высокий, красивый, самодовольный и до одури бесячий. И смотрел на меня так, словно вся его жизнь была шахматной партией, и сейчас он сделал коронный ход, поставив мне шах и мат.

Я шумно, с присвистом, выдохнула воздух сквозь сжатые зубы и закрыла глаза.

Мне конец.

Мне просто полный, безоговорочный конец.

Глава 2 (Несколько лет назад)

— Эйра, не ковыряйся в тарелке. Картошка от тебя не убежит. А вот пятно на скатерти — появится.

Голос матери шелкнул, как хлыст укротителя, разрезая тяжелую, вязкую тишину воскресного обеда. Я вздрогнула всем телом, выныривая из липкого болота собственных мыслей с таким трудом, словно меня выдергивали за волосы из трясины. Герцогиня Вэлси даже за семейным обедом, в кругу самых близких, оставалась произведением искусства, выставленным в музее под сигнализацией: идеальная, выточенная годами тренировок осанка, платье цвета слоновой кости без единой морщинки, нитки жемчуга, обвивающие шею ровно в три ряда, и волосы, уложенные так, словно над ними трудилась бригада личных парикмахеров императорского дворца. Казалось, она даже дышала по строгому графику, вписанному в её ежедневник серебряными чернилами на специальной гербовой бумаге.

— Я не ковыряюсь, — мой голос прозвучал глухо, будто из-под мокрого одеяла. — Я думаю.

С вызовом, на который только была способна семнадцатилетняя девушка, задыхающаяся в золотой клетке, я воткнула вилку в несчастный кусок запеченного мяса. Слишком сильно. Слишком резко. Сок брызнул фонтаном, расплескавшись по белоснежной, накрахмаленной до хруста ска-

терти ручной работы, и начал расплзаться уродливым, бурым пятном, похожим на карту неизвестного континента. Я мысленно застонала, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой, болезненный комок. Еще одно пятно в моем личном деле «Идеальной дочери», которое мать вела с педантичностью тюремного надзирателя, занося туда каждую мою оплошность. Каждую неправильно поставленную ногу, каждый слишком громкий смешок, каждую книгу, прочитанную «не для девочек».

— Думать за обедом вредно, — донеслось из-за шуршания газетных страниц. Отец, герцог Вэллси, традиционно прятался за «Вестником Столицы», отгораживаясь от реальности семьи бумажной ширмой. Видны были только седая макушка, блестящая в свете люстры, да кончики пальцев, нервно сжимающие край страницы с такой силой, что бумага шла волнами. — Пищеварение портится. Ученые доказали. И вообще, за столом нужно есть, а не витать в облаках.

Я закатила глаза к расписному потолку с такой силой, что заболели глазные мышцы. Ангелы на фресках, пухлые, розовощекие, с арфами в руках, смотрели на меня с немым укором, словно я оскверняла святыню своим неподобающим поведением и неблагодарностью. В нашей семье даже процесс поглощения пищи был ритуалом подчинения и демонстрации статуса: отец изучал политику, делая вид, что не замечает меня, мать изучала мои манеры, словно энтомолог редкое насекомое под микроскопом, а я мечтала провалиться

сквозь землю прямо в этом накрахмаленном, колючем платье, которое душило меня сильнее удавки. Воротник врезался в горло, корсет сжимал ребра так, что каждый вдох давался с трудом.

Хлопнула входная дверь. С таким звуком захлопываются ворота, выпускающие в спокойную, сонную гавань ураган пятой категории.

— Ма-ам! Я дома! И я не один!

Сердце пропустило удар. Потом еще один. А потом рухнуло в ледяную, бездонную пустоту где-то в районе пяток. Голос брата Райана разнесся по дому радостным, громогласным набатом, предвещая катастрофу. Не местного, семейного масштаба. Глобальную. Вселенскую. Таковую, после которой моя жизнь уже никогда не будет прежней.

— Райан, сколько раз тебе говорить — не ори, как глашатай на рыночной площади! — крикнула мать, и её голос мгновенно растерял все стальные, командные нотки, став мягким, как сливочная помадка, и теплым, как парное молоко.

Райан был любимчиком. Еще бы: наследник титула, красавец с обложки, будущий великий маг, гордость рода. Солнце, вокруг которого вращалась наша маленькая, душная галактика. Я же была всего лишь жалким, никому не нужным Меркурием — обожженной, выжженной дотла, маленькой планетой на задворках этой звездной системы, куда не долетал свет, где царил вечный холод.

— А я не один! — Райан ввалился в столовую, и время будто замедлилось, растягивая секунды в тягучую, мучительную патоку, в которой я тонула.

Я увидела всё в мельчайших, гиперреалистичных деталях: растрепанные русые волосы брата, влажные после дождя, дурацкую, счастливую улыбку до ушей, рубашку, наполовину выбившуюся из брюк, грязные ботинки, оставляющие следы на паркете. А за его спиной, в дверном проеме, словно сама Судьба, нарядившаяся в мой самый страшный, самый личный кошмар, возник он.

Лайам ар'Шайн.

Я перестала дышать. Воздух в легких кончился, превратился в колючий, раскаленный ком, застрявший в горле. Кусок мяса, который я жевала, встал поперек глотки, грозя задушить меня раньше, чем это сделает стыд.

— Лайам у нас пообедает, ничего? Вы же не против? — Райан уже направлялся к столу, потирая руки в предвкушении.

— Конечно, ничего! — Мать всплеснула руками с такой искренней, сияющей радостью, какой не удостаивала меня ни разу за все семнадцать лет моего существования. — Лайам, дорогой, проходи, не стой на пороге! Садись, мальчик мой, какой же ты худой! Кожа да кости! Вас там совсем не кормят в вашей хваленой Академии Высшей Магии? Одними заклинаниями питаетесь?

Я зажмурилась так сильно, что перед глазами вспыхнули

багровые, пульсирующие круги. Я представила старую, кривую яблоню в глубине нашего сада — моё убежище, мой тайный мир. Её шершавую, теплую от солнца кору, запах прелых, мокрых листьев и сырой земли после дождя, тихий шелест ветвей. Я перенеслась туда усилием воли. Стала пустотой. Растворилась. Меня нет. Я — дерево. Я ничего не чувствую.

— Здравствуйте, герцогиня. Герцог.

Голос, от которого у меня сводило зубы до хруста и закипала кровь в жилах, раздался прямо над левым ухом. Слишком близко. Слишком глубоко. Он ввинчивался в мозг раскаленным сверлом, проникая сквозь все защитные барьеры.

— Простите за вторжение без приглашения. У нас сегодня первокурсники-пироманты сожгли столовую дотла. Дошли в программе до файерболов. Полное фиаско. — Он говорил легко, с ленивой грацией, словно перебрасывался теннисным мячом. — Райан сжалился надо мной и притащил сюда, к нормальной еде.

Райан довольно хохотнул, смачно хлопая друга по плечу так, что тот даже не покачнулся.

— Садись, садись, сынок! — Отец отложил газету, и его лицо, минуту назад скрытое колонками новостей и биржевыми сводками, расцвело в радушной, почти подобострастной улыбке.

Я знала это выражение. Знала до тошноты. Сейчас начнутся «мужские разговоры»: про боевую магию, про демо-

нов, про перспективы, про то, какой Лайам невероятный, уникальный, гениальный герой, гордость нации. А я буду сидеть мышкой, делать вид, что меня не тошнит от его самодовольства, которым, как мне казалось, был пропитан каждый атом воздуха вокруг него. От его идеальной осанки, от его уверенного взгляда, от того, как он поправляет волосы небрежным, но таким точным жестом.

Я приоткрыла один глаз. Медленно, осторожно, словно боялась увидеть Медузу Горгону. Ровно настолько, чтобы увидеть, как Лайам плюхается на стул. Прямо напротив меня. Конечно. Во всем огромном доме, полном пустых комнат и свободных стульев, не нашлось другого места, кроме как напротив меня. Судьба — та еще стерва с извращенным чувством юмора.

— Эйра. — Он кивнул, даже не глядя на меня толком, и в этом одном слове, в том, как он его выдохнул — снисходительно, чуть насмешливо, с ленивым превосходством сытого хищника — было всё.

Наши детские драки в саду, где он всегда побеждал, потому что был старше, сильнее, наглее, потому что ему всё было можно, а мне — ничего. Его вечная, невидимая корона на голове, которую он даже не пытался снять. И моя вечная, глухая, бессильная ярость, которая копилась годами, как ртуть в сосуде, превращаясь в яд, отравляющий меня изнутри.

— А ты, я смотрю, уже мастер спорта по этикету. Призёрка.

— В каком смысле? — выдохнула я, чувствуя, как внутри начинает закипать лава, поднимаясь откуда-то из глубины живота к горлу.

— Ну как же. — Он лениво кивнул на мою тарелку, да же не потрудившись взять приборы. В глазах цвета штормового неба, серых с темным ободком, сверкнуло предвкушение опасной, запретной игры. — Левой вилку держишь, правой нож. От локтей не оттопыриваешь, как простолюдинка. Спина прямая, как палка. Прямо картинка из учебника «Как стать идеальной женой за тридцать дней и забыть о себе навсегда».

Щеку дернуло. Это был нервный тик, физическое проявление гнева, который я пыталась затолкать в самые глубокие, темные закрома души, подальше от посторонних глаз. Пальцы сжались на столовых приборах так, что побелели костяшки.

— Вообще-то в школе благородных девиц учат не только вилку держать, — процедила я сквозь зубы, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Получалось плохо.

— Например? — Лайам подпер голову рукой, водрузив локоть прямо на стол, игнорируя все правила приличия, и изобразил на лице сладкий, приторный, издевательский интерес. — Расскажи. Мне правда жутко любопытно. Чему там можно учиться целыми днями, годами? Вышивать крестиком, чтобы потом демонов им закалывать? Составлять букеты для украшения казарм? Или падать в обморок изящ-

но, артистично? Чтобы, если увидишь мышь, грохнуться так, чтобы платье красиво разметалось по полу, а потенциальный жених подбежал и подхватил тебя на руки, как в глупом романе?

Райан поперхнулся чаем и зашелся в громком, лающем хохоте, хлопая себя по коленям. Мать сделала вид, что увлечена раскладкой салата по тарелкам с точностью ювелира. Отец нахмурился, тяжело засопел, но промолчал, уткнувшись в газету с удвоенным вниманием. Лайам — будущая звезда боевого факультета, наследник древнего, могущественного рода ар'Шайн, подающий невероятные надежды. Ему прощалось всё. Даже откровенное, неприкрытое издевательство над дочерью герцога за его же столом.

— Мы изучаем литературу, историю, географию, — чеканила я, вцепившись в вилку так, что пальцы занемели, а металл начал гнуться. Голос предательски дрогнул, сорвавшись на высокую ноту, и это подлило масла в огонь моей ярости. — Этикет, танцы, музыку, языки. Основы магии тоже преподают. Достаточно, чтобы поддержать светскую беседу в приличном обществе и не выглядеть дурой.

— Основы магии, — протянул он, смакуя каждую букву, будто я сказала «учимся ловить бабочек сачком и отличать розочку от ромашки». — А-а, ну да. Чтобы поддержать разговор за бокалом шампанского. А не чтобы, скажем, защитить себя. Или, допустим, родину от прорыва с той стороны. Но вам же это ни к чему, правда? Войны, говорят, теперь

выигрываются в танцевальных залах на паркете. Новая доктрина, не слышала? Я читал в «Вестнике».

— Лайам, — мягко, но с ощутимым нажимом одернула его мать, пододвигая к нему глубокую тарелку с дымящимся, ароматным супом. — Не все должны быть боевыми магами. У девушек другие задачи. Дом, семья, дети, уют. Ты поймешь, когда повзрослеешь и женишься.

— Какие именно задачи? — Лайам принялся за суп с невозмутимостью скалы, не обращая внимания на мамин укор. Он ел быстро, жадно, но без капли неопрятности, словно всю жизнь питался в походных условиях, между схватками, ценя каждую секунду отдыха. — Вышивать знамена на поле боя? Танцевать вальс с демонами, пока бойцы их отвлекают? Варить мужу такой борщ, чтобы он не заметил, что мир вокруг рушится и горит синим пламенем?

— А ты много демонов видел в своей жизни, герой? — выпалила я, срываясь на фальцет. Вилка с оглушительным звоном ударилась о край фарфоровой тарелки.

Он поднял на меня глаза. Медленно, лениво, с этой своей фирменной полуулыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось, скручивалось в тугой узел. Не от нежности, нет, упаси боги. От чистой, концентрированной, обжигающей, беспросветной ненависти.

— Видел. На летней практике. Прошлым летом. Боевое крещение, так сказать.

Тишина рухнула на столовую такой бетонной тяжестью,

что, казалось, хрустальная люстра под потолком жалобно звякнула, а пламя свечей в канделябрах испуганно дрогнуло. Даже Райан перестал жевать и замер с открытым ртом.

— И сколько убил?

— Трех. Полноценных, класса «младший кошмар».

Слово упало в тишину, как раскаленный камень в стоячую воду, расходясь кругами священного ужаса и невольного восхищения. Трое демонов. Для девятнадцати лет — это не просто успех, это подвиг, о котором слагают баллады и пишут в учебниках. Райан рядом довольно засопел, поглаживая себя по груди — мой друг, моя гордость. Звезда, рядом с которой я даже не мерцала, а была просто черной дырой, поглощающей свет.

— Ну вот. — Лайам отправил в рот ложку супа, прожевал, проглотил, промокнул губы салфеткой. Выдержал драматическую паузу, словно опытный актер перед главной репликой в монологе. — А ты бы что делала, если бы на тебя демон напал? Ну, предположим, прорвется через линию обороны, пока мы, герои, будем заняты основной массой. Что бы ты сделала со своим «основным курсом магии», безупречным этикетом и умением поддержать беседу?

Внутри что-то оборвалось с мерзким, влажным хрустом, словно лопнула струна, натянутая до предела годами унижений и молчания. Обида, злость, чувство собственного вселенского ничтожества — всё вскипело разом и рвануло наружу, сметая все барьеры. Я посмотрела прямо в его смеющи-

еся, довольные глаза и сказала, чеканя каждое слово, словно зачитывая смертный приговор себе и ему:

— Умерла бы изящно. С вилкой в левой руке. Чтобы не нарушать этикет даже перед смертью.

Отец поперхнулся и закашлялся так, что покраснел до корней седых волос, стуча себя кулаком в грудь. Мать побелела как полотно, и даже толстый слой безупречной рисовой пудры не смог скрыть пепельного, землистого оттенка ее лица. Райан вытаращил глаза размером с чайные блюдца, забыв закрыть рот.

А Лайам... Лайам поперхнулся супом.

Впервые в жизни я выбила его из колеи. Впервые в жизни я увидела, как его непробиваемая, наглая самоуверенность дала трещину. Он зашелся в кашле, схватился за салфетку, прижал ее к губам, а потом... захохотал. Громко, раскатисто, искренне, запрокинув голову так, что стал виден тонкий, белый шрам на шее — память о прошлогодней схватке, о которой он так небрежно упомянул. Он хохотал до слез, выступивших в уголках глаз, до всхлипов, до того, что начал задыхаться. Мать испуганно переводила взгляд с отца на меня, не понимая, смеяться ей в унисон или срочно вызывать семейного лекаря и карету скорой магической помощи.

— Эйра, — выдохнул он, отсмеявшись и промокнув глаза салфеткой. Он смотрел на меня по-новому. С интересом. С каким-то странным, будоражащим, острым любопытством, от которого у меня мурашки табунами побежали по коже, а в

животе что-то сладко и опасно сжалось. — А из тебя вышел бы неплохой боевой маг. Язык у тебя — загляденье. Острее моего ритуального клинка.

Комплимент? От него? Это было так дико, так неожиданно, так выбивалось из привычной картины мира, что я растерялась. Куда-то исчезла моя праведная ярость, осталось только растерянное, звенящее замешательство и предательский жар на щеках.

— Магией боевой не измеряется, — буркнула я, отводя взгляд и снова утыкаясь в тарелку, готовая прожечь в ней дыру. Щеки горели огнем, уши, кажется, тоже полыхали, как два маяка.

— Это да. — Его тон изменился мгновенно. Стал серьезным, почти ледяным, с металлическим оттенком. — Магия у тебя... никакая.

Я вскинула голову так резко, будто получила пощечину звонкую, хлесткую, унижительную. Слово ударило наотмашь, выбивая остатки почвы из-под ног. Внутри вспыхнуло пламя такой силы, что я удивилась, как не загорелась скатерть, как не вспыхнули мои волосы.

— Ты не знаешь, какая у меня магия, — прошипела я, вкладывая в каждую букву всю свою боль.

— Знаю. — Лайам отодвинул пустую тарелку и подался вперед, вторгаясь в мое личное пространство, нависая надо мной, как скала над пропастью. Я почувствовала запах озона, морозной свежести и чего-то терпкого, мужского. — Рай-

ан рассказывал. Целительский дар. Слабенький, едва заметный, тлеющий, но есть. Компрессики ставить, синяки заговаривать, головную боль снимать подружкам. Для школы благородных девиц самое оно. Будешь на балах им мигрень лечить, пока они охотятся на женихов. Очень полезный навык.

— Лайам! — рывкнул отец, отбрасывая газету, но я его перебила. Голос сорвался на крик, который я сдерживала годами, который копился, зрел, рвался из груди, раздирая горло в клочья.

— Слабенький?! — заорала я, вскакивая на ноги. Стул с оглушительным грохотом отлетел назад, проехался по паркету, царапая полировку. В глазах защипало от подступающих слез, но я сжала зубы до скрежета, до боли в челюсти. Я не позволю ему увидеть мои слезы. Ни за что. Скорее умру. — Ты хоть знаешь, что целители делают?! Знаешь, сколько таких, как ты, самоуверенных боевых магов, выжило только благодаря тем, кого ты называешь «слабенькими»?! Без нас вы бы все давно сгнили в могилах с вашей крутой боевой магией, истекая кровью и моля о смерти! Каждый шрам на твоём драгоценном теле зашивали чьи-то руки! Каждый демон, которого ты убил, мог стать для тебя последним, если бы за твоей спиной не стоял целитель, зашивающий твои раны!

— Знаю. — Он смотрел на меня в упор, не мигая, и в его глазах не было ни капли насмешки. Только странное, тяжелое, пристальное внимание, от которого мне стало страшно. Он словно скальпелем вскрывал меня, заглядывая в самые

темные, потаенные закоулки души, куда я сама боялась заглядывать. — Но ты-то пока никого не спасла. Только вилку правильно держать научилась. И языком молотить без устали. А пока ты не попробовала, пока ты не держала чью-то жизнь в своих руках, ты не имеешь права так орать.

Тишина повисла в столовой тяжелым, мокрым одеялом, пропитанным свинцом. Райан переводил взгляд с меня на друга, как зритель на финальном матче. Мать прижала салфетку к побелевшим губам, ее глаза были круглыми и испуганными. Отец нахмурился так, что брови превратились в одну суровую, седую линию, а желваки заходили под кожей.

— Лайам, — начал он, и в его голосе зазвенел металл, который редко можно было услышать в этом доме, — возможно, не стоит продолжать этот разговор за моим столом.

— А на балу, — перебил его этот наглец, не сводя с меня глаз, словно отца вообще не существовало. Он даже не извинился. Даже не моргнул. — ты ведь дебютируешь в этом году, да? Интересно, кто же тебя пригласит на первый танец. С твоим-то острым языком и непокорным характером. Будет забавно посмотреть.

— Мой характер тебя не касается.

— Еще как касается. — Он улыбнулся, но улыбка вышла странной, чужой. Не издевательской. Тягучей, опасной, предвкушающей, как у охотника, увидевшего след редкой дичи. — Ты же сестра моего лучшего друга. Мне не всё равно, кто с тобой танцевать будет. И кто потом будет терпеть

твой острый язык всю оставшуюся жизнь. Принимаю близко к сердцу, так сказать. По-родственному.

— А ты, значит, беспокоишься? — Я вцепилась в вилку так, что костяшки побелели, а металл жалобно скрипнул, начиная гнуться в моей руке. — Как трогательно до слез. Можешь не напрягаться и не тратить свои драгоценные нервы. Я вообще не собираюсь на этот дурацкий бал.

Мать ахнула так, словно я объявила о своем решении уйти в бродячий цирк или взорвать императорский дворец.

— Эйра, что значит «не собираюсь»?! Это твой выход в свет! Это обязательно! О тебе будут судить! О нас будут судить! Вся столица будет говорить!

— Мама, я...

— Она пойдет, — отрезала мать тоном, не терпящим возражений, который обычно приберегала для прислуги. Она посмотрела на Лайама с вызовом, защищая свою территорию, свою дочь, свою репутацию. — И будет там самой красивой дебютанткой. И её пригласят на первый танец. Обязательно пригласят. Самый достойный молодой человек пригласит.

— Кто? — Лайам склонил голову к плечу, и в его серых глазах заплясали бесенята. — Я, например, не приглашу. Даже не надейся, Эйра.

— А тебя никто и не просит! — рывкнула я, теряя последние остатки самообладания и здравого смысла. Меня трясло. Всю. От кончиков пальцев до макушки. Мелкой, унизи-

тельной дрожью. — Даже если все мужчины в этом мире вымрут, а ты останешься последним, единственным, я лучше буду танцевать с демоном! С тем самым, которого ты не добил!

Я вскочила. Стул с грохотом покатился по паркету и врезался в буфет.

— Эйра! — рывкнул отец, вставая из-за стола и багровея.

— Эйра?! — ахнула мать, хватаясь за сердце.

— Ого! Ничего себе! — выдохнул Райан с искренним, мальчишеским восхищением.

А Лайам... Он просто сидел. Смотрел на меня снизу вверх. И улыбался. Не издевательски. Не насмешливо. Не снисходительно.

Так, будто я только что произнесла именно те слова, которые он так долго ждал. Будто я занесла ногу над пропастью и наконец сделала шаг в неизвестность. В его глазах цвета грозового неба плескалось что-то темное, глубокое, первобытное, от чего у меня внутри всё переворачивалось, замирало и обрывалось в бездонную пропасть.

— Буду ждать, — сказал он тихо. Одними губами, почти беззвучно, но я прочла это в его глазах. Прочла кожей, каждой клеточкой своего дрожащего тела. — Целительница.

Я вылетела из столовой, слыша, как за спиной грохнула тяжелая дубовая дверь. В ушах стучала кровь, в груди бушевал ураган, слёзы обиды и злости душили, обжигали горло, застилали глаза, но я глотала их, не позволяя пролить-

ся. Я бежала по коридору, не разбирая дороги, спотыкаясь о складки ненавистного платья, и только одна мысль билась в висках настойчивым, жарким, лихорадочным пульсом: «Я докажу. Всем докажу. Себе докажу. Ему докажу. Особенно ему».

Я не обернулась. Я не могла обернуться.

Потому и не увидела, как Лайам проводил меня взглядом до самой двери, как погасла его улыбка, стоило мне скрыться, и как в глазах, провожающих меня, не было ни капли прежней насмешки. Там был вызов. Там было предвкушение. Там было обещание.

И что-то еще. Что-то очень похожее на голод.

Глава 3

Я ненавижу утро. Всей своей сущностью, каждой клеточкой невыспавшегося, измученного организма ненавижу эту липкую, беспощадную с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.